

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Исторический роман-хроника

Книга четвертая: КОМАРИЦКИЙ МУЖИК

УДАР В СПИНУ (7115 годь от С. М — 1606 год от Р. Х.)

1

Молчанов сбежал...

Карета, в которой он выехал из Самбора, стояла посреди двора, ворота распахнуты, две ровные ложбины от полозьев возка во взрытом лошадиными копытами грязном снегу уходили сквозь пылящую поземкой степь в сторону Польши. Створка ворот, качаясь на ветру, сиротливо поскрипывала, большая серая ворона сидела на ней и то вздрагивала, шевеля узкими черными крыльями, то замирала. Смотрела при этом она не вслед возку, а во двор, на вышедшего из постоянной избы густобородого казака с заспанным сердитым лицом и колтуном на голове.

— Ушел-таки! — выдохнул с болью казак и, едва не упав, развернулся лицом к избе. — Без ножа зарезал, сволочь...

Толкнул дверь. В сенях было зябко, пахло свежим навозом и коровьей мочой. Пегий теленок боднул казака в колено и стал поворачиваться, прижимаясь дрожащим боком к его ногам, пискнул по-щенячьи. Из глубины избы послышалось ответное мычание.

— Яшка... Яшка... — ласково сказал казак и, прогладив теленка от холки до хвоста, подтолкнул к входу в избу. Открыл дверь и вошел вслед за весело впрыгнувшим в тепло теленком.

На печи, на лавках, на постеленных на полу дохах спали люди. В огороженном за печью углу стояла мосластая ухоженная корова и тянулась сквозь изгородь из ошкуренных слег к теленку. Бархатные губы ее ласково теребили малышу ухо, будто нашептывая приятное.

Казак взял теленка на руки и переставил за изгородь. Корова принялась облизывать малышу ухо. Яшка одним глазом жмурился, другим искал дырку в изгороди, в которую сумел бы вылезти и убежать. Нашел, вырвал ухо и полез в щель между слегами, задирая к мордочке нескладные ножки. Передними и головой он пролез, а задними застрял. Застучал копытцами, вновь по-щенячьи запищал.

— Эх, Яшка, Яшка... — пробормотал казак, глядя заспанными глазами на малыша. — Я сейчас...

Он сунул руку под тощий зад теленка, вытолкнул малыша наружу, а потом вновь взял на руки и вернул назад, поставив на передние копытца. Малыш уперся мордочкой в пол, но тут же вскочил и принялся тыкаться губами в вымя матери. Корова изогнулась, стала вылизывать Яшку.

Казак хотел что-то сказать, но ноги плохо держали, и он, пошатываясь, шагнул вдоль загона, поставил соскочившую слегу на место. Попробовал, крепко ли стоит, и обернулся к центру избы.

— Вст... Встава-айте!.. Мать вашу в душу...

Тут его замутило и стало полоскать.

Очистив желудок рядом со скотской изгородью, он судорожно икнул и, обессиленный, сполз вдоль стены на пол.

— Вста-вай-те... — еще шептали его губы, но мозг и тело уже спали...

2

А Молчанов¹ с самого начала не хотел ехать в Москву. Это ясно было по тому, как он, узнав о прибытии в Польшу Заруцкого с десятью казаками, не выслал им навстречу свежих лошадей и не встретил у стен Самбора. В замке своего названного тестя Мнишека он тоже был не первым, кто увидел одиннадцать казаков, грязных с головы до ног, усталых, сумевших в две недели пересечь Русь и достигнуть сердца Польши.

У входных ворот охранники склонили перед казаками пики в знак уважения, а вышедшие на стены женщины осыпали их, за неимением в это время года цветов, сухим клевером, радостно гомонили по-польски да по-чешски, называя прибывших дорогими гостями и героями.

Молчанов же прислал на конюшню, куда казаки отвели своих измученных коней, слугу с сообщением, что царь Дмитрий-де примет одного лишь атамана, да и то, когда тот вымоется с дороги, переоденется в чистое платье и поест.

— А царь-батюшка не очень-то ждет нас, — заметил один из казаков. — Видать, в Польше ему жить более по нраву, чем в Москве.

— Придержи язык, — оборвал его Заруцкий. — Государь Дмитрий Иванович сам знает, когда и с кем ему говорить. Или не говорить вообще.

Атаману было приятно слышать, что человек, которого полгода назад он с трудом уговорил назваться царем московским, так хорошо вжился в роль, что чванится даже пред своим «крестным отцом».

Казаки спорить не стали. От долгой дороги желание увидеть живого государя притупилось, хотелось еды и отдыха.

На мытье и переодевание у Заруцкого ушла добрая половина дня: то мнишевская челядь долго грела воду, то гостевая кадка оказалась рассохшейся, кипяток пропускала, пришлось искать хозяйскую, то за чистой сорочкой посылали в лавку на другом конце города, то вдруг кто-то сказал, что царь русский не терпит нестриженных ногтей, и пришлось атаману отдавать свои корявые мозолистые пальцы на правеж вызванному опять-таки из города цирюльнику. А затем к столу подали реповые зразы, до которых Заруцкий был особенно охоч, и потому он ел их, запивая красным вином, до тех пор, пока не явился мажордом княжеский и, громыхнув жезлом об пол, объявил, что в тронном зале замка ждет атамана государь всея Руси Дмитрий Иванович.

Заруцкий наскоро вытер руки и бороду и поспешил за важно шествующим мажордомом через анфиладу пышно украшенных комнат и дверей. «На русские денежки жируют Мнишеки, — отметил про себя Заруцкий, кося глазом на подновленные стены, замененные дверные косяки, расставленные и развешанные украшения в виде гобеленов и пустых рыцарских доспехов. — Стало быть, все, что прежний Дмитрий Иванович Мнишеку посылал, баба его в распыл пустила. И денег у нее ни на выкуп мужа, ни на плату нашим ратникам нет».

В тронном зале, оказавшимся бывшим пиршественным, можно было выставить добрую четверть стрелецкого полка. Дубовые столы, которые Заруцкий видел здесь в первый свой приезд, убрали, каменный пол покрыли наборным паркетом, на трех стенах повесили лионские гобелены с евангелическими сюжетами, а у торцевой стены возвышалось стройное, с тремя острыми шпильями на спинке, резное кресло, установленное на возвышении о трех каменных ступенях. Свечи в огромной люстре, подвешенной под перетянутым дубовыми балками потолком, не горели, солнечного света, проникающего сквозь узкие высокие окна, было вполне достаточно, чтобы видеть посетителей. В двух напольных подсвечниках, стоящих по бокам от трона, колебалось десятка полтора огоньков, вовсе не освещающих Молчанова, а только скрывающих тени вокруг него.

По мановению руки того, кого здесь называли царем московским, стража и мажордом покинули зал, оставив давних знакомцев наедине.

— Подойди! — приказал Молчанов. — Не кричи во всю Ивановскую.

Да, так говорить мог только москвич, знающий быт Ивановской площади в Кремле. И есть в его голосе что-то такое, что может заставить толпу прислушаться. Ликом издали походит на покойного Дмитрия, а вот телом — нет, раздобрел на польских харчах, брюхо отрастил. В русском кафтане... с бородой. Это хорошо, правильно. Русскому царю скоблить подбородок не надобно.

Так думал Заруцкий, шагая сквозь длинный и стылый зал, слыша лишь гулкую поступь кованных своих сапог. «Как в костеле», — успел подумать он и, подойдя к ступеням перед троном, опустился на одно колено.

— Тихо говори, — сказал Молчанов. — У стен есть уши.

— Тогда не здесь, — сказал Заруцкий тем голосом, который (он знал) может слышать лишь человек, стоящий прямо перед ним, а для находящегося сбоку кажется шипом. — Есть что сказать важное.

— Говори по этикету.

И Заруцкий, встав с колена, затянул пышную речь о том, что земля-де русская истосковалась без истинного хозяина, клятвопреступник и захватчик престола Шуйский не люб народу, поднявшемуся от края до края всей земли против изменников-бояр. Он сказал, что явился сюда, в Самбор, от имени всех людей и всех народов, проживающих под державным скипетром московского царя, и по поручению наиглавнейших воевод восставшего войска — Болотникова и Пашкова. Просят-де воеводы Дмитрия Ивановича смилостивиться над сирыми и вернуться на царство. Ибо день ото дня множатся силы войска, но нет полной веры, нет крепости в душах северян, каширцев, ельчан, идущих на смерть против царя Василия. Требуют они царя Дмитрия, дабы он, подобно великому родителю своему, покорителю Казани, встал во главе рати доблестной и вернул себе Москву...

Всего этого, понимали они оба, Заруцкий мог и не говорить — Молчанов знал не только о сказанном, но и о больших победах Пашкова под Ельцом, а Болотникова под Кромами, под Калугой да под Серпуховым. Пока казаки скакали по Руси и по Польше, слухи о сражении на реке Пахре достигли ушей Молчанова прежде, чем Заруцкий узнал о ней в беседе за столом.

И что самое неприятное для самозванца, речь Заруцкого не соответствовала дворцовому этикету, тому порядку, каким должен руководствоваться придворный, обращаясь к государю. Иван Мартынович мог перевоплотиться в любого человека, если надо, мог говорить так, что в нем видели и овчара, и бондаря, и холопа,

и боярского сына, и польского дворянина. Но говорить цветисто, вычурно и пусто, как требовал дворцовый этикет, Заруцкий так и не обучился. И передавал он Молчанову слова воевод так, будто не нижайшая просьба это была, не моление к государю, а требование и приказ.

Молчанов же, долгие годы прокрутившийся между царей и вельмож, своими руками убивший царя Федора, не по приказу даже самозванца, а затаенную мысль его осуществив, ставший при Димитрии Ивановиче личным чернокнижником, сам уж полгода с успехом играющий роль царя, ошибку Заруцкого заметил сразу и, выслушав атамана до конца, нахмурил брови:

— Ты пошто, холоп, так дерзко с царем разговариваешь? Будешь ты за это по возвращению моему на Москву бит на Лобном месте кнутом нещадно. В назидание прочим дерзецам.

Голос Молчанова был громок, слышен слухачами, что пристроились в потайных местах замка. А те, кто следил за царем сквозь тайные прорезы в стенах, могли видеть, как московский государь красным, расшитым золотом, с загнутым вверх носком сапогом уперся в лоб атамана и отпихнул от себя.

— Прочь с глаз моих!

Заруцкий послушно, пятясь задом, сложив руки на животе, отошел почти к самой двери. Никто не видел, как в продолжение этой сцены Молчанов успел передать ему маленькую бумажку, а атаман зажал ее в кулаке.

— Смотри, понятлив, — сменил Молчанов гнев на милость. — Решения своего о Лобном месте не меняю. Ответ моим воеводам будет тебе завтра. Во время утренней трапезы.

— Готов смерть принять за тебя, государь Димитрий Иванович, — смиренно произнес Заруцкий. — Но дозволю сказать, что на войне дорог каждый час. Коли успеешь ты собраться сегодня в дорогу, то с восходом солнца отправимся в путь.

— Не твоего холопьяго разума, что должен царь делать, а что не должен, — опять нахмурил брови Молчанов. — Прочь с глаз моих! Стража!

Вошли два рынды с алебардами на плечах. Следом появился мажордом.

3

В записке, переданной Молчановым атаману, было написано всего два слова, да и то по-польски: «Полночь. Опочивальня». С обратной стороны был нарисован план второго этажа левого крыла замка. Если бы записка попала в чужие руки, можно было бы посчитать, что предназначена она любовнику или любовнице любого из проживающих в этом крыле.

Благодаря плану, Заруцкий быстро отыскал в темноте «покои московского царя» и незаметно проник в них, ибо лежащий у порога постельничий спал так, что хоть танцуй на нем.

Царская опочивальня оказалась невеликой: всего семь-восемь шагов в длину да четыре-пять в ширину. Окно занавешено. В красном углу, под иконостасом из пяти православных икон, в тусклом свете лампадки угадывалась фигура Молчанова, сидящего на скамье. Вот он поднял руку с зажатой в ней свечой, поднес фитиль к огоньку лампадки — и в комнате стало светлее. Стал виден персидский ковер на полу, резные деревянные шкафчики на стенах, узкая кровать под пышным пуховиком. Рядом со скамейкой — небольшой квадратный, тоже деревянный, столик об одной ножке, на нем — раскрытая книга.

— Садись, — предложил Молчанов, указывая на короткую скамью с другой стороны столика. — Пришел-таки. Не ожидал я, что ты так быстро воротиться.

— Век бы нам не видеться, Михайло, — признался Заруцкий с улыбкой на устах. — Прижился ты здесь. Понравилось без царства царить?

— Понравилось, — согласился Молчанов. — Это испытать надо, чтобы понять... — и тут же сменил тон: — Твое появление здесь ох как некстати! Не сегодня-завтра сам король Сигизмунд должен пригласить меня к своей особе. И коли он прилюдно признает во мне Димитрия Ивановича, я въеду в Москву царем. А так, как ты мне предлагаешь — воровитой черни показывать свою рожу, самого себя царем кричать — это, прости, не по мне. Среди толпы всегда найдется один-другой сомневающийся. И кто знает, за кем пойдут остальные. Так что возвращайся на Русь один. Скажи, что идет, мол, за тобой сам царь Димитрий Иванович с польским войском.

— И это все, что ты хотел мне сказать?

— А ты чего ожидал?

Света от свечи было достаточно, чтобы они могли видеть глаза друг друга. Заруцкий был спокоен и уверен в себе. Молчанов нервен и нетерпелив.

— Ты предаешь нас, — сказал атаман.

— Да, — согласился Молчанов. — Предаю. Но я не настолько неблагодарен, чтобы не помнить, что это ты нарек меня царем Димитрием. И если станешь не мешать мне, будешь помогать, то буду щедр. Я ведь помню, как тебя любил покойный Димитрий-царь. Это только со стороны казалось, что ближе всех к нему Корела да Басманов. На деле он тебе доверять не меньше.

«Боялся», — хотел поправить его Заруцкий. Но удержался.